

Я.П. Шишмарев. Выбор его на эту роль не кажется случайным. Яков Парфеньевич был отправлен в Кульджу как опытный дипломат, знавший восточные языки. В Кульдже, как и в Урге, Я.П. Шишмарев курировал деятельность местной школы переводчиков [Там же: 244]. По поручению Сибирского отделения Русского Географического общества Я.П. Шишмарев участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии, собирании этнографических коллекций.

В 1899 г. в МАЭ поступила коллекция от Надежды Александровны Люба. Мы можем предположить, что Н.А. Люба — родственница (возможно, жена) русского консула в Урге В.Ф. Любы.

Виктор Федорович Люба в 1886 г. после окончания факультета восточных языков Петербургского университета стал переводчиком с китайского и маньчжурского языков при Степном генерал-губернаторе. (Степной край существовал с 1882 г. по 1917 г. В Степное генерал-губернаторство входили Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области.) В 1904–1906 гг. В.Ф. Люба был консулом в Урге, в 1907–1909 гг. — консулом в Харбине, в 1910–1911 гг. — консулом в Улясутае, в 1911–1913 гг. — генеральным консулом в Урге, а затем до 1915 г. — консулом в Кобдо. В.Ф. Люба был членом Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского Географического общества, преподавал в ургинской школе переводчиков [Бурдуков 1969: 383–384].

В 1903 г. в МАЭ поступила коллекция культовых предметов, которая была зарегистрирована под № 747. В описи этой коллекции в графе «собиратели» указан Успенский. К сожалению, это вся информация, содержащаяся в описи. Мы предполагаем, что в 1903 г. в наш Музей коллекцию культовых предметов мог передать русский генеральный консул в конце XIX в. в Кульдже и Урумчи, путешественник, член Русского Географического общества Виктор Матвеевич Успенский (1845–?). Он был учеником выдающегося отечественного китаеведа В.П. Васильева [Скачков 1977: 236].

Библиография

- Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. М., 1969.
Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Е. В. Иванова

О БУДДИЙСКОМ СОБРАНИИ МАЭ РАН

Кунсткамера была создана в XVIII в., и ей по праву принадлежит слава европейского музея, хранящего, возможно, самые ранние по времени поступления буддийские коллекции.

Положение единственного на то время российского музея привело к тому, что все этнографические собрания поступали в Кунсткамеру. Нам не дано судить о первых предметах буддийского культа, поступивших в наш Музей, т.к.

пожар 1747 г. уничтожил ранние коллекции. Когда в 1818 г. (в ходе выделения из Кунсткамеры музеев разного профиля) был создан Азиатский музей, ему были переданы накопившиеся в ней к тому времени восточные предметы. Но в 1837 г. они вернулись в созданный на базе Кунсткамеры Этнографический музей (в Азиатском остались письменные памятники и монеты). Однако в процессе перемещения коллекций произошла утечка информации о собраниях некоторых из них, и в результате стали анонимными два собрания бронзовых бурханов, объединенных позднее в коллекцию под № 719.

То, что замечательные собрания буддийской скульптуры стали достоянием нашего музея благодаря выдающимся ученым — участнику Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) Г.Ф. Миллеру и участнику Академической экспедиции П.С. Палласу (1769 г.), удалось установить благодаря изысканиям нашего молодого коллеги, хранителя фондов отдела ВЮОВА Д.В. Иванова [Иванов 2009].

Коллекция № 719 — фактически самая ранняя (по времени поступления) буддийская коллекция нашего музея. Тот факт, что другие коллекции, содержащие буддийские предметы, хранящиеся в нашем музее, обозначены «меньшими» номерами (№ 32, 63а, 120, 187 и др.), отнюдь не означает, что они поступили в музей значительно раньше. Регистрация музейных собраний в начале XX в. (по системе В.В. Радлова) на начальном этапе привела к смещению (подчас весьма значительному) времени поступления и регистрации. Коллекции, числящиеся ныне под номерами 710, 715, 716 (поступившие первая в 1841 г., вторая и третья в 1887 г.), были зарегистрированы, как и коллекция № 719, лишь в 1901 г.).

При оформлении коллекции использовались разные критерии. Чаще всего определяющим моментом является фигура собирателя, благодаря которому новые предметы стали достоянием музея, однако это приводит иногда к нечеткости относительно места сбора коллекции (когда в описи в графе «местность» или «народ» указана не одна, а несколько стран, в которых побывал собиратель, и разные народы — без последующих уточнений). Во многих случаях коллекции имеют разноплановый характер, и предметы культа, объединенные в них с предметами, не относящимися к сфере религиозных верований, являются лишь фрагментом больших собраний. Соотнесение их с этой коллекцией не означает полную идентификацию с ней.

Количественно разные коллекции сильно различаются. Наряду с теми, в которых числится один или несколько предметов буддийского культа (так, коллекция № 1269 содержит единственную статуэтку Будды из Пекина, переданную в наш Музей «рядовым роты дворцовых гренадеров»), имеются коллекции, содержащие несколько сотен предметов буддийского культа (колл. № 5303 и 5942).

Иногда (как в колл. № 719) вещи, собранные разными собирателями и в разных местах, среди разных народов, сводятся в одну коллекцию по их функциональной однородности (в данном случае как относящиеся к буддийскому культу) и по времени их приобретения (для колл. № 719 это XVIII в.). В серьезную проблему превращается интерпретация коллекций, образованных

вещами из нескольких российских музеев. Такова, например, колл. № 5942, состоящая из предметов с ярлыками музеев Народоведения, Румянцевского, Дашковского и большого собрания буддийских культовых предметов, задержанных в 1914 г. на Московской таможне и попавших в Музей культуры народов Востока после «путешествия» по фондам ряда московских музеев.

Собиратели и обстоятельства сбора некоторых коллекций остаются неизвестными (это относится, например, к монгольской колл. № 740, к упомянутым выше колл. № 713, 715 и 716, переданным в МАЭ из Эрмитажа).

Блестящая плеяда отечественных ученых — востоковедов, этнографов, географов — обеспечила приток в МАЭ многочисленных коллекций предметов буддийского культа, собранных во время экспедиций и командировок в России и зарубежных странах. Назовем их имена. Это П.С. Паллас, Г.Ф. Миллер, И. Иериг, Д.А. Клеменц, П.П. Шмидт, С.Ф. Ольденбург, С.М. Дудин, А. Доржиев, А.И. Иванов, П.К. Козлов, А.Н. Казнаков, А.В. Бурдуков, А.А. Сталь фон Гольстейн — на территории проживания калмыков, бурят, в Монголии, Китае и Тибете; И.П. Минаев, А.М. и Л.А. Мерварты в Индии и на Шри Ланке, Н.И. Воробьев в Сиаме [Воробьев 1912], А.И. Иванов, А.В. Григорьев, А.Е. Глускина в Японии и др.

Вдохновителями и «спонсорами» кипучей деятельности перечисленных ученых были Академия наук, МИД и РГО, Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии. По инициативе этого Комитета (созданного в 1903 г.) состоялись две экспедиции в Восточный Туркестан, поездки в страны Востока В.М. Алексеева, Б.Б. Барадийна, Ц.Ж. Жамцарано, А.Д. Руднева, С.Е. Малова, Д.Д. Букнича. Умело изыскивали средства, чтобы организовать поездки сотрудников музея для сбора этнографических коллекций, а также вовлекали в эту работу энтузиастов-краеведов и собственными сборами обогатили буддийский фонд директора МАЭ Л.И. Шренк, В.В. Радлов и др.

Выдающуюся роль в отечественной буддологии и стимулировании роста отечественного собрания памятников буддийской культуры сыграл С.Ф. Ольденбург. Ценнейший материал (памятники буддийской культуры, процветавшей в Восточном Туркестане более тысячелетия, с IV по XVI в.), добытый под руководством С.Ф. Ольденбурга в результате двух Туркестанских экспедиций, а также предметы из коллекций М.М. Березовского и открытого П.К. Козловым в песках пустыни Гоби мертвого города Хара-Хото, поступил в МАЭ, отчего стремительно выросло по своей значимости и в количественном отношении (на 10 000 предметов!) буддийское собрание нашего Музея.

В 1919 г. на Первой буддийской выставке, организованной по инициативе С.Ф. Ольденбурга, объединившей в едином стремлении продемонстрировать миру богатые буддийские собрания петербургских музеев (МАЭ, Эрмитажа и Русского музея) и познакомить посетителей с буддизмом и его искусством, экспонаты выставки, происходящие из Восточного Туркестана, фигурировали как хранящиеся в нашем Музее [Ольденбург 1919]. Однако в 1930–1934 гг. коллекции из Китайского Туркестана по решению авторитетной академической комиссии (во главе с С.Ф. Ольденбургом) были переданы в Эрмитаж. В 2009 г. они были показаны во всем своем великолепии на грандиозной вы-

ставке «Пещеры Тысячи Будд» и запечатлены в одноименном прекрасно изданном каталоге, в котором при описании большей части памятников буддийского искусства содержится указание на источник поступления — «из МАЭ» [Пещеры Тысячи Будд... 2008].

Между тем в МАЭ хранятся собранные лично С.Ф. Ольденбургем буддийские коллекции. С именем этого замечательного ученого связано знаменательное событие — передача в собственность музея подаренной ему самим Далай-ламой XIII статуэтки Будды будущего — Майтреи [Решетов 2004].

Пополнению буддийского собрания МАЭ способствовали и ученые, не занимавшиеся специально буддизмом, но понимавшие научную и музейную значимость предметов буддийского культа и не «проходившие мимо» них во время своих научных экспедиций и путешествий. Это ботаники А.Э. Регель и А.Н. Краснов, пристав Русской православной миссии в Пекине полковник М.В. Ладыженский, сотрудники МИД (в XIX в.), государственные деятели и военнослужащие, увлеченные Востоком: барон П.Л. Шиллинг фон Канштадт, адмирал К.Н. Посьет, граф Ф.Е. Ангальт, дипломат Я.П. Шишмарев, страстный коллекционер князь Э.Э. Ухтомский, энтузиаст краеведения доктор Н.В. Кириллов, оставившие яркий след в истории МАЭ щедрые меценаты — почетные граждане Кяхты Г.М. Осокин и А.А. Лушников.

Особой ценностью в МАЭ считаются царские подарки, в данном случае — коллекция предметов буддийского культа № 313, состоящая из даров бурятских лам Забайкалья, преподнесенных цесаревичу Николаю Александровичу во время его знаменитого путешествия на Восток в 1893 г.

Внесли свою лепту в пополнение буддийского фонда МАЭ иностранцы: Э. Стюрлер и И.Ф. Овермеер-Фишер.

После революции 1917 г. в МАЭ поступило немало вещей из личных собраний российских граждан. Судьбу их решала новая власть. Например, изъятая из дворца Великого князя Бориса Владимировича статуэтка Будды, привезенная им из поездки в Сиам на коронацию короля Рамы VI (колл. № 2705), была принята в музей в 1919 г. от «Детскосельской конторы». Многие коллекции были переданы по решению Музейного фонда и Экспертной комиссии. Происходило «великое переселение вещей» из одних музеев в другие.

В 1950 г. в МАЭ поступили большие буддийские коллекции из Государственного Музея восточных культур (№ 5942), ИВАН (№ 6308), ГМЭ (№ 5979, 6431).

В 1929–1930 гг. в Бурят-Монгольскую АССР были направлены сотрудники Института этнографии АН СССР для сбора инструментов, используемых бурятскими ламами для изготовления лекарств, круглой скульптуры, икон. В 1940 г. состоялась экспедиция АН СССР по сбору коллекций бывших буддийских монастырей БМ АССР в Читинской области. Сотрудник МАЭ Г.А. Гловацкий сопровождал транспортированные в Ленинград предметы буддийского культа, изъятые из Агинского дацана в связи с его закрытием. Так появилась коллекция № 4698. Спустя семь лет опись этой коллекции (в ней было 720 предметов — статуэтки, иконы, ритуальные предметы) сделал Л.Н. Гумилев, в 1975 г. опубликовавший несколько икон из этой коллекции в

книге «Старобурятская живопись». Прошли годы, изменилось отношение к религии, и сохранные в МАЭ священные изображения и ритуальные предметы вернулись в Агинский дацан, но небольшая часть их — по доброй воле мастера дацана — осталась в Музее, но уже под новым номером — 7166.

За приближающийся к 300-летию период существования МАЭ в нем сложилось крупное собрание предметов буддийского культа, созданных и / или имевших хождение на громадных территориях у буддистов практически всех регионов мира. Это и Индия, где уже более тысячелетия буддизм имеет очень незначительное число последователей, и страны и регионы, в которые буддизм пришел и занял положение одной из религий (Китай, Япония) основного населения, или в разное время получил статус господствующего мировоззрения «титупной нации» и сохранил его до XXI в. (Шри Ланка, Непал, Тибет, Корея, Бирма, Сиам, Камбоджа, Лаос, Монголия), или после длительного периода расцвета был вытеснен другими религиями (Центральная Азия, Индонезия, Малайзия), или был принят народами, влившимися в состав больших государств (буряты и калмыки в России).

Изменялся сам буддизм, возникло два главных направления в нем — хинаяна и махаяна, появился буддизм ваджраяна и много течений в каждом из них, менялся буддийский пантеон, развивалась иконография буддийских божеств, складывались разные школы (секты) со своими предпочтениями в «наборе» наиболее почитаемых из них, в манере их изображения. И все эти раставнувшиеся на два с половиной тысячелетия процессы в той или иной мере отразились в предметах нашего буддийского собрания. Для извлечения ценной информации, таящейся в глубинах этого на самом деле разнородного и случайного набора памятников буддийской культуры народов Востока, потребуются немалые усилия. Но хранители таких ценностей обречены на этот труд.

Библиография

- Воробьев Н.И.* Описание собрания буддийских статуэток, приобретенных в Сиаме в 1906 г. // Сбор. МАЭ. 1912. Т. I, вып. 11.
- Гумилев Л.Н.* Старобурятская живопись. Л., 1975.
- Иванов Д.В.* Буддийские культовые предметы у монголоязычных народов в XVIII — первой половине XIX века в собрании МАЭ РАН (История собрания, атрибуция, особенности художественного стиля): Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2009.
- Ольденбург С.Ф.* Первая буддийская выставка. Пг., 1919.
- Пещеры Тысячи Будд.* СПб., 2008.
- Решетов А.М.* Подарок далай-ламы XIII. Об одной статуэтке Будды из коллекции МАЭ // Курьер Петровской Кунсткамеры. 2004. Вып. 10–11.